

полного обеспечения информационных потребностей управленческого персонала относительно аренды имущества и земли разработаны новые формы внутривладельческой отчетности: «Сведения о состоянии арендованного имущества за отчетный период», «Сведения о состоянии арендованных земельных участков и земельных паев за отчетный период», а также методика их составления.

Таким образом, аграрная реформа привела к частно-долевой собственности на земли сельхозназначения и многоукладности форм хозяйствования на земле, но не дала еще должного эффекта для экономики сельского хозяйства. Это связано с тем, что эффективные сельские собственники не прониклись понятием «частная собственность» и инерционно, пользуясь экстенсивными методами, хозяйничают на земле, потребительски эксплуатируя естественное плодородие земель [3].

Многолетними научно-экспериментальными результатами ведущих ученых [3] доказано, что инновационная экономика наиболее эффективна в земледелии, если умеешь грамотно управлять производственным процессом на примере хлебных злаков.

С применением интенсивного земледелия на инновационной основе повышаются возможности энерго-ресурсосбережения инновационных агротехнологий за счет конкретизации и адаптации технологических операций, применение агрохимикатов, модернизации технических орудий с совмещенными рабочими органами, что приводит к формированию заданного урожая хлебных злаков и снижает себестоимость продукции растениеводства до оптимальных значений.

Таким образом, создание инновационной среды для земельного пользования сельхозтоваропроизводителей поспособствуют повышению производительности. Вследствие этого, сельское хозяйство получит возможность последовательного перехода на инновационную модель развития.

Список литературы

1. *Иванова В. Б.* Алгоритм принятия решения о внедрении инновационного проекта // Вестник Международного Славянского университета. 2007. № 1.
2. *Мельникова К. В.* Инновационная политика предприятия: сущность и принципы формирования // Науч.-техн. сб. «Коммунальное хозяйство городов». Вип. 54. Серия: Экономические науки. Киев: Техника, 2004. С. 185—189.
3. *Алимов К. Г.* Инновации в интенсивном земледелии Черноземья. URL: 195.218.219.43/exib/images/NEWS-PAPER/np_2008/np_2008_ru_03/alimov_03_08.doc.

К вопросу о сущности инноваций в государственном и муниципальном управлении

Д. И. Сачук

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

Необходимость привнесения инноваций в экономическую и социальную сферу российского общества — актуальный вопрос современности, обсуждаемый на всех уровнях власти. Очевидно, инновационное развитие — один из приоритетов в российском обществе, по крайней мере, на ближайшее время.

Однако чрезвычайно трудно уяснить, что именно имеется в виду, когда разговор заходит об инновации. Что есть инновация? Любое нововведение с чьей бы то ни было стороны? Или все же это нововведение должно обладать некоторыми признаками, должно предлагаться определенными социальными группами для более успешного внедрения? Очень часто эти вопросы остаются в тени.

Необходимо отметить, что в российской традиции еще не выработана единая трактовка термина «инновация». Первая точка зрения на этот термин определяет инновацию как нововведение преимущественно техническое, само понятие рассматривается не с гуманитарной точки зрения. Предполагается, что люди, прежде всего, являются проводниками, проводителями инноваций в жизнь, а не ее реализаторами. В частности, существует мнение, что государственная инновационная политика в регионе реализуется в формах поддержки, которые включают в себя государственное финансирование, программно-правовое обеспечение, информационное обеспечение, развитие инфраструктуры, подготовку и поиск кадров [1, с. 22].

Другая точка зрения основывается на том, что понятие инновации гораздо шире и распространяется и на гуманитарную сферу. Согласно этому подходу, инновация — преобразование идеи

или теорий в конкурентный продукт или услугу, развитие нового или усовершенствованного процесса производства и распределения, новый способ оказания социальных услуг [2, с. 271]. В рамках данного подхода инновация возможна и в сфере обслуживания, и в организационной структуре конкретной организации. Такое определение инновации кажется нам более предпочтительным, поскольку более точно отображает современные требования, предъявляемые к продукту или услуге, появляющимся на рынке. Именно употребление такого понятия инновации позволяет говорить о человеческом потенциале, как главном факторе развития муниципального образования, о его использовании в качестве основного ресурса в муниципальном управлении [3, с. 37].

Если же воспользоваться категориальным аппаратом социологии, то сущность инновации предстает в несколько другом свете, чем в обыденном сознании индивидов или экономическом понимании. Согласно широко известной теории аномии Р. Мертона, инновация — одна из форм девиантного или отклоняющегося от норм поведения [4, с. 271]. Характеризуется данная форма принятием социально одобряемых целей и ценностей, но в тоже время отторжением общепринятых институционализированных средств по достижению этих самых целей. По Мертону экономические преступления — продукт именно деятельности субъектов-инноваторов.

Более того, в российских условиях подобное инновационное поведение приобретает новый эмоциональный окрас. До перехода к рыночной экономике инновационное поведение не было широко распространено, прежде всего, из-за малого арсенала средств для достижения процветания индивида, прежде всего, материальной формы самореализации. Это обстоятельство объясняется жесткостью административно-командной системы. Но введение рыночных инструментов позволило наиболее находчивой части населения быстро пробраться к заветной цели. Как результат — к середине 90-х годов XX века доля теневой экономики составляла 50% от всей экономики России. Многие современные достижения отечественной олигархии, часто формирующейся как монополии, — результат инновационных действий.

Таким образом, в российской традиции социологический термин «инновация» означает некое негативное влияние на развитие общества. Проблема в том, что нарушить как формальные, так и неформальные нормы ради достижения цели не считается зазорным. Уклонение от уплаты налогов для определенной части населения рассматривается как ловкий трюк и вызывает общее одобрение. Очевидно, что любая инновация — отклонение от нормы, от привычного, инновационное поведение характеризуется ориентацией на нестандартность, нерутинность, творческое мышление и действие [5, с. 227]. Важная задача для государства на данном этапе — четко и формально разграничить различные формы инновации (позитивную и негативную), прежде всего, в сознании населения страны.

Не менее важной задачей является выбор правильных каналов внедрения инновации в российское общество. Неоднократно заявлялось, что в сфере государственного и муниципального управления подобные нововведения необходимы. Но здесь возникает некий парадокс. Если снова обратиться к терминологии Р. Мертона, то можно выяснить, что государственные и муниципальные служащие — наиболее яркие представители другой формы некомформного, девиантного поведения — ритуализма. Люди-ритуалисты характеризуются четким следованием средствам достижения общественных целей, но сами эти цели зачастую не оказываются для них столь важными. Классический бюрократ, забывающий о цели своей деятельности во имя соблюдения формальной процедуры — прекрасная иллюстрация ритуализма [4, с. 273]. Как можно убедиться, ритуализм — полная противоположность инновации. И среда государственного и муниципального управления отличается превалированием норм и правил над нововведениями. Известно, что государственный бюрократический аппарат играет роль своеобразного «фильтра» идей и начинаний. Как же фильтр будет способен адекватно вводить внутри себя какие-либо нововведения, возможно ли успешное введение инноваций на этом уровне как таковое?

Нельзя не отметить, что инновации в области государственного и муниципального управления все же существуют. Однако эти инновации могут иметь и негативный окрас. Яркий пример — феномен взяточничества. Общественно осуждаемое, взяточничество все же не исчезает, поскольку помогает обеим сторонам получить желаемое: государственный или муниципальный служащий получает материальное поощрение, что и делает его, по сути, инноватором, субъект, предлагающий взятку, достигает своих целей. Дача взятки облегчает процесс преодоления бюрократический барьеров, вышеупомянутого «фильтра». Тем самым достигается экономия и сил, и нервного напряжения, и времени. Казалось бы, дача взятки выгодна обеим сторонам и не имеет негативных сторон. Более

того, существует теория, что коррупция может быть полезна. Данная теория получила название Теории «Смазки» или полезности коррупции для экономического развития страны. Согласно этой теории «коррупция рассматривается как приемлемое зло, и если ее нельзя преодолеть, то можно использовать подкуп для ускорения продвижения полезных для страны проектов» [6, с. 25].

К сожалению, субъект, дающий взятку, редко отдает себе отчет, насколько он повышает собственные транзакционные издержки: растут издержки ведения переговоров и издержки заключения контракта [7, с. 141]. Кроме того, однократная дача взятки часто подразумевает под собой тот факт, что отныне все вопросы будут решаться именно с использованием взятки. Наконец, дача взятки неизбежно рискованна и грозит как невыполнением условий этого негласного соглашения, так и юридической ответственностью.

В свою очередь, государственный или муниципальный служащий, берущий взятку, своим поступком формирует новую систему отношений власти и населения, дублирующую уже существующую. В российском обществе давно осуществляется управление в легальной и нелегальной системах, что тормозит общее развитие и окончательно запутывает население. Служащий же вынужден существовать в обеих системах, рискуя не согласовать свои действия хотя бы с одной из них, и, как следствие, выпасть из обеих систем.

Приоритетная задача в этом направлении — дискредитировать в глазах как общественности, так и чиновничества негативные инновации. Действительно, инновации, осуществляемые в обход существующих норм, оказываются выигрышными для единиц, но проигрышными для абсолютного большинства. Пока не придет осознание, что лишь соблюдение норм способно привести к одинаковому выигрышу для большинства, внедрение каких бы то ни было инноваций в сфере государственного и муниципального управления обречены на провал. Ряд авторов подчеркивает, что чрезвычайно важными для государственного и муниципального служащего являются интеллектуальная и эмоциональная зрелость, а также ряд этических качеств, как честность, искреннее желание помочь другим и способность осознавать границы собственной компетенции [8, с. 91].

С другой стороны, несмотря на все вышеописанные трудности, именно государственные и муниципальные служащие обладают наивысшим потенциалом для внедрения положительных инноваций. Кому, как не контролерам норм вводить новые нормы? И если эти нормы окажутся удачными, то быстрее всего они распространятся именно через сферу государственного и муниципального управления, поскольку большая часть населения взаимодействует с государственными и муниципальными служащими. Поэтому ключевым вопросам становится кадровый. Только образованный, грамотный и разделяющий основные ценности общества чиновник способен отделить позитивные инновации от негативных, не хвататься за каждое нововведение, как революционное, а взвешенно и постепенно вводить в общество новые нормы гражданского и экономического поведения. Кроме того, каждый государственный и муниципальный служащий должен обладать чувством глубокой ответственности и быть способным принимать самостоятельные управленческие решения. Он должен видеть в своих публичных полномочиях не личную выгоду, а обязанность [9, с. 134]. Подготовка качественных кадров для государственной и муниципальной службы — важнейшее условие внедрения инноваций в российское общество на данном этапе развития.

Можно прийти к выводу, что введение инноваций в сфере государственного и муниципального управления на данный момент является крайне актуальным. Но для успешной реализации подобных намерений необходимо четкое понимание целей нововведений, а также грамотная команда исполнителей-реализаторов подобных начинаний.

Список литературы

1. Инновационный капитал Республики Карелия. Петрозаводск, 2006. 143 с.
2. Лобанов В. В. Государственное управление и общественная политика / Лобанов В. В. СПб.: ПИТЕР, 2004. 448 с.
3. Муниципальное управление в России. Теория и практика: Сборник научных трудов. Самара.: СМиУ, 2005. 312 с.
4. Кравченко А. И. Социология / А. И. Кравченко, В. Ф. Анулин. СПб.: ПИТЕР, 2006. 432 с.
5. Гладышев А. Г. Развитие местного сообщества: теория, методология, практика. Монография / А. Г. Гладышев. М.: Граница, 1999. 384 с.
6. Актуальные проблемы экономической теории и экономической политики: А38 Сб. науч. тр. Вып. 3 / Под ред. Ф. Ф. Рыбакова, А. Н. Лякина. СПб.: ОЦЭиМ, 2006. 192 с.

7. Олейник А. Н. Институциональная экономика: Учебное пособие / А. Н. Олейник. М.: ИНФРА-М, 2005. 416 с.
8. Демьяненко А. Н. Муниципальное управление: учебное пособие / А. Н. Демьяненко, А. Л. Обушенков // Хабаровск — Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1998. 148 с.
9. Регион: к новому качеству управления. Спецкурс, Вып. 9. М.: Издательство «Луч», 2000. 320 с.

Инновационные кластеры атомной промышленности. История и перспективы

*В. Н. Софронов, Т. В. Летаева
Озерский технологический институт (филиал) МИФИ,
г. Озерск, Челябинская область*

Промышленные кластеры достаточно изученный феномен территориальных производственных интеграций. В развитых государствах использование кластерного подхода к управлению экономикой уже имеет определенную историю.

Так, полностью кластеризованы финская и скандинавская промышленность, в США больше половины предприятий работают по данной модели производства — предприятия кластера находятся в одном регионе и максимально используют его природный, кадровый и интеграционный потенциал.

Ключевые промышленные кластеры в Германии (химия, машиностроение) и Франции (производство продуктов питания, косметики) сформировались в 50—60-е годы прошлого столетия. В результате взаимодействие целых групп отраслей внутри кластеров способствовало росту занятости, инвестиций и ускорило распространение передовых технологий в национальной экономике.

Страны Европейского Союза приняли шотландскую модель кластера, при которой ядром такого совместного производства становится крупное предприятие, объединяющее вокруг себя небольшие фирмы. Существует и итальянская модель — более гибкое и «равноправное» сотрудничество предприятий малого, среднего и крупного бизнеса.

Опыт этих стран показал, что кластерный подход служит основой для конструктивного диалога между представителями предпринимательского сектора и государства. Он позволил повысить эффективность взаимодействия частного сектора, государства, торговых ассоциаций, исследовательских и образовательных учреждений в инновационном процессе [1].

Кластерный подход в управлении экономикой на территории России и стран ближнего зарубежья имеет достаточное количество примеров успешного развития, чтобы сделать вывод о необходимости его развития.

В СССР существовали понятия «научно-производственный комплекс» и «территориально-производственная кооперация». Однако плановая система и отраслевой принцип управления экономикой накладывали жесткие ограничения на их деятельность. Например, выбор поставщика зачастую определялся не интересами предприятия, а распоряжением «сверху». В результате детали, которые производились в регионе, приходилось завозить из других республик. В современных условиях ситуация изменилась. Отсюда и главное отличие кластера от территориально-производственного комплекса — кластер максимально учитывает рыночный механизм, он может быть эффективным, только когда создается по инициативе снизу, когда сами предприятия для повышения своей конкурентоспособности приходят к необходимости объединения в кластер.

В Российской Федерации наиболее успешно происходит формирование энергетических кластеров в Республике Татарстан и Сибирском федеральном округе.

Так же в качестве примеров потенциальных кластеров можно привести авиакосмические кластеры в Москве и Самаре, информационно-телекоммуникационный кластер в Москве, пищевые кластеры в Москве, Санкт-Петербурге и Белгородской области, судостроительный кластер в Санкт-Петербурге и т. п. Кластерный подход все чаще используется при разработке региональных стратегий развития. Например, в Петербурге с 2000 года выполняется совместный российско-финский проект «Долгосрочная стратегия развития экономики Санкт-Петербурга». Теоретической базой исследования является модель «ромба» Майкла Портера. На ее основе был проведен анализ в отраслях городской экономики, выявлены их взаимосвязи, определены конкуренты. При этом учитыва-